

Пляска со смертью

Лоррейн Хедтке

*Эта статья была впервые опубликована в журнале *Gecko: A journal of deconstruction and narrative ideas in therapeutic practice* (2000 #2).*

оригинал здесь: <http://www.dulwichcentre.com.au/lorrainearticle.htm>

перевод Дарьи Кутузовой

Я клинический социальный работник, семейный терапевт. Работаю в хосписе, и это значит – сижу подле людей до их последнего вздоха, присутствую рядом с членами семьи, когда умирает их близкий человек. Моя работа научила меня глубокому почтению к людям, я высоко ценю их мужество и способность преодолевать трудности. Не всем в рамках их работы выпадает такая честь... и в результате я стала думать о смерти и умирании несколько иначе, чем об этом пишут в популярной литературе.

Когда человек умирает, отношения на этом не заканчиваются. Когда мы воспринимаем смерть не как нечто финальное и окончательное, а как приглашение трансформировать наши отношения с близким человеком, который умирает, – мы вырываемся из пут модернистского подхода, внушающего нам, что мы должны «пережить» горе и «двигаться дальше». Несмотря на то, что нас учат, каким образом человек, потерявший близкого, должен «правильно» горевать и вести себя, иногда попытки «отпустить» ушедшего причиняют вред тем, кто остается жить.

В данной статье я рассмотрю, каким образом нарративная и социально-конструкционистская точка зрения, будучи приложены к переживаниям горя и утраты, расширяют диапазон доступных возможностей. В качестве иллюстрации к тому, как возможно иначе думать о смерти, я расскажу историю об одной замечательной женщине и ее пути. В эту историю я вплету свои комментарии о том, как истории и чувство близости и сопричастности могут расти и развиваться после смерти человека. Я надеюсь, что этот текст приведет к размышлениям и обсуждениям: как мы можем способствовать формированию новых дискурсов в отношении смерти и горя. Я напишу о том, как использовать нарративный подход, чтобы укреплять взаимоотношения и истории любви в период умирания и после смерти близкого человека.

Билл и Эллен

(ради сохранения конфиденциальности, имена и идентифицирующие обстоятельства и подробности были изменены)

Не так давно мне посчастливилось познакомиться с семьей, подтвердившей для меня, что любовь, чувство близости и сопричастности не обязательно ослабевают после смерти. Мы встретились в стационаре хосписа. Билл был переведен туда из больницы, где провел предыдущие два дня. Билл и Эллен были женаты сорок два года. Когда я вошла в комнату, Эллен сидела у постели Билла, держала его за руку и тихо плакала. Я придвинула свое к ее креслу еще одно, села рядом и спросила, не против ли она поговорить. Перед этим я прочитала медицинскую документацию Билла и знала, что он был в коме и не реагировал на раздражители с тех пор, как его доставили на вертолете в отделение неотложной помощи. Я знала, что причиной этого состояния было массивное кровоизлияние в мозг.

Чего я не знала – так это историй, которые оживили бы для меня этого умирающего человека.

Когда произошло кровоизлияние, Билл и Эллен были в отпуске. Прежде у Билла не было никаких проблем со здоровьем. Эллен в слезах рассказала, как они предвкушали эту поездку, она должна была стать для них подтверждением того, что они готовы вернуться к «нормальной жизни». Она рассказала, что они с Биллом «пытались вернуть себе свою жизнь», поглощенную тяжелыми событиями предыдущего года. «Понимаете, – сказала Эллен, – наши дети, оба, умерли в том году». Я почувствовала, сколько стоит за этими словами, произнесенными в присутствии умирающего мужа. Я даже представить себе не могла ту боль, которую Эллен довелось пережить. Я вся напряглась от самой мысли об этом. Эллен продолжила: «Наша дочь осенью умерла от рака. Она болела около двух лет. Ей было тридцать восемь... А сын умер три месяца спустя от сердечного приступа». Эта смерть была неожиданной, сыну было сорок лет.

Когда Эллен рассказала мне, в каком контексте она воспринимает происходящее, я была поражена, потрясена тем, сколько эта женщина уже смогла выдержать. А теперь она теряет еще и мужа. По картине симптомов Билла я понимала, что его скорая смерть неизбежна. Три такие смерти в течение года – это для кого угодно чересчур. Я очень волновалась за Эллен, меня беспокоило, что все это будет значить для нее.

Присоединение и оценка обстоятельств

В фокусе моего внимания в тот момент было несколько тем. Мне важно было создать доверительные отношения с Эллен, присоединиться к ее пониманию того, что в этот час может быть полезным. Я должна была занять позицию ученика, узнать у Эллен, как бы я могла ее сейчас поддержать, вместо того, чтобы предполагать, будто бы я заранее знаю, что для Эллен будет лучше. Для того, чтобы этот процесс строился на основе уважения и сотрудничества (Anderson, 1997), важно было, чтобы его скорость была комфортной для Эллен. Именно она должна была определить, что именно и насколько подробно мне следует знать об их с Биллом жизни. Я проявляла бережное любопытство, прося рассказать мне еще, но при этом давала понять, что именно Эллен направляет ход нашей беседы. Я очень отчетливо осознавала это потому, что мы были в медицинском учреждении, и тело Билла рядом с нами, возможно, уже всячески ощупывали и обследовали врачи. Я не хотела усугублять «выставление напоказ секретов частной жизни» и не настаивала, чтобы Эллен говорила о чем-то, о чем ей не хочется.

Сидя рядом с Эллен, я думала о том, каковы источники риска в ее ближайшем будущем. Моя обеспокоенность росла. Я думала о том, как может человек пережить смерть трех самых близких людей в течение года – и при этом не хотеть умереть... как может человек в такой ситуации не впасть в отчаяние?.. Я думала о том, как для Эллен представлена ее собственная история о мужестве и преодолении трудностей. Как ей самой кажется, как она справляется с жуткими ситуациями, которые выпадают на ее долю. Мне также было любопытно узнать о том, кто из друзей и близких поддерживает ее (и как они это делают), находит ли она поддержку и утешение в религии или духовных практиках. Как она опиралась на эти ресурсы раньше, и как они могли бы помочь ей в будущем.

В нашем первом разговоре я хотела также узнать, как Эллен понимает происходящее, что оно значит для нее. Поэтому я задавала ей вопросы, надеясь узнать, как она осмысляет то, что видит, чувствует, то, что слышит от врачей. Эти ответы помогали мне узнать, где именно и в чем Эллен больше всего нужна поддержка. Я расспросила Эллен о том, как врачи описывали ей состояние Билла, чего она ждет от завтрашнего дня и пр. Мне было

важно узнать, верит ли Эллиен в то, что Билл может выжить, или нет. Я понимала, что раз Билла перевели в хоспис, значит, врачи были убеждены в неизбежности его смерти. Но Эллиен могла не разделять этого убеждения.

Я также начала бережно расспрашивать Эллиен о том, какие решения ей может стать необходимо принять в ближайшее время, и каковы возможности выбора. В современной модернистской культуре смерть бывает вынесена за пределы дома и семьи и в каком-то смысле отдана на откуп профессионалам. Многие люди вообще никогда не видели мертвое человеческое тело, а тем более не готовили его к погребению. Что делать с телом? теперь перед теми, кто остается жить, открывается множество возможностей, и каждая из них может «выбивать из седла» (Quigley, 1996). Я хотела обсудить с Эллиен кое-какие моменты, с которыми ей вскоре придется столкнуться: кремация или захоронение тела и пр., – но при этом я понимала, что многие люди стараются держаться в стороне от этих деталей. Поднимая эти вопросы, я не хотела показаться бездушной, бестактной, но я хотела создать для Эллиен пространство предпочитаемого выбора, чтобы все было так, как им с Биллом было бы по душе. Если у Эллиен появятся возможности заявить о том, будут ли органы пожертвованы для трансплантации, как будут организованы сами похороны и пр. – все это может способствовать переживанию того, что хоть на что-то в жизни она еще может повлиять.

Я аккуратно подошла к этим темам, спросив о том, что было сделано, когда умерли дети Билла и Эллиен. Их похоронили или кремировали? А как бы Биллу и Эллиен хотелось, чтобы поступили с их собственными телами, так же или по-другому? Часто получается так, что когда я разговариваю с людьми в подобной ситуации, они сами то и дело возвращаются к этим темам, осмысляя и озвучивая свой выбор. Пока Эллиен обдумывала, чего бы хотелось ей, я решила задать ей другие вопросы, потому что времени у нас, скорее всего, было немного.

Истории о Билле

Я хотела понять, каково Эллиен и Биллу было жить вместе все эти годы, и при этом я стремилась найти малейшие проблески надежды и опоры в этой крайне мрачной ситуации. Я попросила Эллиен рассказать мне о муже. Что она больше всего научилась ценить в нем за годы их брака? Как бы его охарактеризовали его друзья? Чем они восхищались в нем? Я спросила так же о том, каким виделся Билл с точки зрения их умерших детей. Какой вклад он внес в их жизнь? Эллиен рассказала, что Билл очень гордился тем, что у него такие замечательные дети. Для него было очень важным событием в жизни выдать дочку замуж, а трех внуков он просто обожал. Но важнее всего для Эллиен были смех и веселье. Она рассказала, что Билл был «настоящий весельчак», очень активно участвовавший в жизни польского сообщества в их городе. Все знали, какой он замечательный рассказчик, и сходились послушать его байки. Это был крупный мужчина, любивший покушать, петь и плясать. Больше всего он любил плясать польку. Я некоторое время сидела и просто слушала, как Эллиен рассказывает о жизни Билла с разных точек зрения. Я узнала, что это за чудесный человек, полный любви и жизни.

В течение дня в комнату к Биллу и Эллиен приходили их друзья. Они еще обогатили те истории, которые рассказывала Эллиен. У меня были в тот день еще другие задачи по работе, но я время от времени заглядывала в комнату и слышала рассказы людей о том, как они любят Билла. Они рассказывали разные умиленные истории и смеялись, вспоминая о том, как он любил пиво и колбаски, а больше всего – как он любил плясать польку. Я почувствовала, что начинаю понимать Билла и то, как он видел жизнь, хоть нам не довелось с ним перемолвиться и словом.

Противостояние доминирующему дискурсу горевания

У смертного одра человека драгоценной становится каждая минута. Я это очень хорошо осознавала, когда формулировала вопросы к Эллен. У нее не было впереди нескольких месяцев, чтобы подготовиться к смерти супруга. Ей не была доступна роскошь возможности «завершить незавершенные дела» или привыкнуть к жизни, когда его нет рядом. Не было возможности «правильно пройти все стадии». Здесь были жизнь и смерть, рядом, бок о бок, и больше ничего.

Мне было важно, чтобы какие-то практические истории, связанные с надеждой, оказались быстро доступны для Эллен. Я предпочла задать вопросы, позволяющие порадоваться тому хорошему, что было в жизни Билла, вместо того, чтобы сосредотачиваться исключительно на его смерти. Я не спрашивала ее о том, «есть ли что-то, что вы обязательно должны сказать ему, прежде чем он умрет». Я не исходила из предположения, что если она не скажет какие-то исключительно важные последние слова, то она будет обречена всю жизнь «безуспешно горевать» о смерти мужа. Вместо этого, я сделала сознательный выбор и не присоединилась к доминирующему дискурсу, который в этом случае мог бы быть выражен так: «Ой, какой ужас! Тебе понадобится очень много времени, чтобы справиться с этим. Надо будет долго ходить к психологу или на группы поддержки». Вместо этого я предположила, что существует другая история, альтернативная трагической, пусть даже едва слышная. Я верю, что даже в самой сердцевине трагических обстоятельств может родиться нечто хорошее. Даже когда рядом страдание и смерть, место для смеха и любви все-таки остается.

Мне было важно увидеть Билла глазами Эллен и других людей. Когда я задавала ей вопросы о том, каким запомнили его другие люди, я стремилась вывести на первый план и «уплотнить» ее знание о муже, разместив его жизнь в контексте жизни их семьи, общины, близкого круга. Сообщества и круг друзей способствуют исцелению в тяжелые времена. Барбара Майерхоф и Майкл Уайт писали об «аудиториях для предпочитаемых историй» (Myerhoff 1980; White 1997). Я надеялась, что мои вопросы помогут Эллен вспомнить, кто входит в их с Биллом круг друзей и знакомых, а также каким-то образом укрепят отношения между Эллен и этими людьми, чтобы она могла обращаться к ним за поддержкой и помощью.

Некоторые из моих вопросов были специально выстроены таким образом, чтобы Эллен смогла более ярко, полно, разнообразно включить присутствие Билла в собственную жизнь и представления о себе (White 1989, 1995, 1997). Я надеялась, что это поможет Эллен поддерживать отношения с Биллом после его смерти, продолжать чувствовать его присутствие, слышать его голос, который может утешить ее, что-то ей посоветовать. Мне хотелось, чтобы круг друзей Билла и Эллен активно участвовал в этом. Я надеялась, что теперь и в будущем они станут виртуальным или реальным сообществом поддержки продолжающихся отношений Эллен и Билла.

Сохранить жизнь голосу Билла

Я спросила Эллен о том, каково было Биллу, когда умерли их дети. Мне хотелось узнать больше о том, как Эллен и Билл поддерживали друг друга в эти тяжелые времена, что она знала о собственном умении преодолевать трудности. Эллен рассказала мне, что это было, само собой, ужасное время, и она находила утешение в словах и объятиях мужа. Мне стало любопытно, что Билл мог бы сказать о том, как Эллен справится с нынешней ситуацией. Я спросила: «Если бы Билл мог выразить, как он сейчас гордится Вами за то, как Вы справляетесь с ситуацией, на что он обратил бы внимание? С чем, по его мнению,

Вы справляетесь хорошо? Что в вашем опыте сорока двух лет совместной жизни, с точки зрения Билла, может подготовить вас к этой ситуации, поддержать вас?»

Я также спросила о том, что он рассказал бы об их отношениях с Эллен. В ответ Эллен рассказала мне, что муж очень верил в нее и в их союз. Она сказала, что он всегда называл ее «храброй девочкой» и был бы убежден, что она и с этим справится. Эллен рассказала, сколько в их с Биллом жизни было веселья. Она снова упомянула польку. Билл очень любил бодрый ритм и веселую мелодию. Эти воспоминания очень хорошо вписывались в представления Эллен о том, что для Билла было важно в жизни.

В рамках доминирующего дискурса, связанного со смертью и гореванием, это было бы время, когда надо проститься с умирающим. Но у меня была другая задача. Я хотела знать, какой вклад этот мужчина внес в жизнь своей жены, детей, других людей. Я специально предлагала Эллен поразмыслить и поговорить об этом. Я хотела поддержать и укрепить этот вклад, чтобы он стал «больше, чем жизнь», чтобы в каком-то смысле Билл стал для Эллен бессмертным. А это означало, что мне нужно было задавать вопросы, которые бы оживили подробности, обогатили бы эти замечательные истории (White 1995, 1997; Freedman & Combs 1996). Для этого нужно было, чтобы образы, воспоминания и истории о жизни Билла оказались в фокусе, были представлены во всей своей красоте и сложности, вместо того, чтобы считать, что эти воспоминания и образы угасают вместе с сознанием Билла.

Я верю, что люди не хотят оказаться забытыми. Те, кто любит умирающего или умершего человека, тоже не хотят забыть его. Однако доминирующий дискурс, связанный с гореванием, побуждает нас забыть, изжить горе, двигаться дальше (Vickio, 1999). Я считаю, что это крайне несправедливо по отношению к историям каждого из нас. Задавая Эллен вопросы о том, о чем, как ей кажется, была жизнь Билла, что он ценил и любил, я приглашала Эллен присоединиться ко мне в «восстановлении участия» (re-membering) Билла в ее собственной жизни (Myerhoff 1980; White 1995, 1997). Этот процесс направлен на продолжение присутствия Билла в жизни Эллен; это реальные и крайне значимые отношения.

Вместо того, чтобы вторгнуться в жизнь этой женщины и начать действовать, руководствуясь представлениями о том, что сейчас она должна сказать мужу «последнее прости», я исходила из убеждения, что эти отношения будут продолжаться и после его смерти, пусть и в иной форме. Я предлагала Эллен вступить в новые формы отношений с Биллом – в которых ей придется самой прикладывать больше усилий, чтобы поддерживать его голос живым в своем сознании. Голос Билла как «интернализованного другого» (Tomn 1987a, 1987b, 1988, 1995) должен стать более активным в последующих разговорах, потому что его голос вживую не сможет в них больше участвовать. Я хотела, чтобы присутствие Билла было доступно для Эллен даже в те минуты, когда она переживает крайне тяжелое время его смерти. Я специально строила вопросы так, чтобы вновь и вновь оживлять для Эллен переживание того, что Билл в нее верит. Мне казалось, что это сможет поддержать ее в ближайшие месяцы. Ей придется научиться специально оживлять его присутствие.

Я предположила, что у Эллен уже есть много подобного опыта, особенно в силу недавних событий. Возможно, переживая смерть детей, Эллен и Билл осознали для себя что-то важное, чему-то научились. Возможно, Эллен уже сформулировала это для себя как источник поддержки, а может быть, пока еще нет. Поэтому я старалась своими вопросами выводить эту историю на первый план, то есть, побуждала ее рассказывать о том, каким образом ей раньше удавалось справляться.

Подобный вид расспрашивания далеко отстоит от доминирующих дискурсов, связанных с гореванием. Наиболее распространенные представления, скорее всего, навесили бы на Эллен ярлык-диагноз типа «страдающей от острого горя». Но разговор в таком ключе не входил в мои планы. Подобные представления, основанные на идее «недостатка», «дефицита», только подрывают веру людей в себя и их способность справляться с трудностями (Gergen 1994; Winstlade & Monk 1999). Мои вопросы были одновременно прагматически-ориентированными и направленными на укрепление «ненаписанных» историй Эллен о ее силе и мужестве. Подобные разговоры побуждают людей принять задачу, откликнуться, преодолеть препятствия, которые, как им самим казалось, им не по силам.

Каким-то образом для Эллен жизнь будет продолжаться. В моем кратком взаимодействии с ней меня больше всего беспокоило то, какова «площадь точки опоры» для нее в этих обстоятельствах. Как я могу повысить вероятность того, что в умирании Билла будет место и для воспоминаний о чем-то хорошем, о чем Эллен сможет думать и использовать это для того, чтобы «пересочинить», преобразовать свои отношения с мужем? Своими вопросами я старалась предложить ей позицию нравственной заботы о ее собственных ресурсах, чтобы она видела себя сильным, храбрым и стойким человеком.

Последние ритуалы

После обеда один из друзей принес в больницу аудиоплеер и записи полек. Эллен в разговоре упомянула, что человек в коме, пусть и без сознания, все же способен слышать. На Билла надели наушники. Все, кто присутствовал в комнате, могли слышать этот задорный ритм – тра-та – та-та, тра-та – та-та, и с удовольствием говорили о том, как это правильно и подходит Биллу. Тут пришел священник, которого пригласила Эллен (Билл и Эллен – католики). Пока он произносил молитвы у постели больного и благословлял его, музыка продолжала играть, и это было очень в духе всей жизни Билла.

Мне пришлось отойти на некоторое время, но, когда в конце рабочего дня я снова заглянула к ним в комнату, Билл все еще был в наушниках и слушал польки. Хотя он никак не реагировал на это, было заметно, какое утешение это приносит Эллен. Она рассказала мне, как она живо представила: Билл смотрит, как священник читает молитву над человеком, у которого из наушников льется задорный мотивчик. «Билл бы оценил иронию, – сказала Эллен, – так и слышу, как он бы веселился, безо всякого почтения к серьезности ситуации».

Я спросила Эллен: «Как вам кажется, он сейчас пляшет?» У нее светились глаза, когда она произнесла: «Он пляшет по дороге к Богу». Я спросила, хотел бы Билл умереть именно так, было бы это ему по душе? «Да,» – сказала Эллен. Мы еще несколько минут поговорили о том, что «плясать по дороге к Богу» – это очень соответствует духу жизни Билла. Мы обнялись, и, перед тем как уйти, я поблагодарила Эллен за то, что она оказала мне честь, позволив увидеть Билла ее глазами, глазами любящего человека.

Яркая, живая метафора

Предсказать этот момент было бы невозможно. Если бы я пыталась отследить определенные стадии процесса горевания, я бы, возможно, упустила богатство и красоту, которые были прямо перед нами. Вместе мы создали метафору, очень живо и ярко связанную с жизнью Билла. В ходе нашего разговора вокруг этой метафоры сложилась история. Это не была история, основанная на «универсальных стадиях переживания утраты», через которые Эллен якобы должна была проходить. Это не была трагическая

история. Мы создали светлую, позитивную историю, которая, как я надеюсь, помогла Эллен осмыслить смерть мужа. В этой истории, помимо гнета скорби, были легкость и юмор.

Легкая улыбка Эллен подтвердила для меня, что эта история в этот момент времени оказалась полезной. Я надеюсь, что эта история и в дальнейшем, возможно, будет целительной и приносящей утешение. Я представила себе, как во время похорон и потом она рассказывает людям, как Билл умер, о его пляске по дороге к Богу, я думала о том, как она будет рассказывать эту историю внукам, когда они будут вспоминать Билла. Это была история великой надежды, светлого наследия, которая произошла из одного маленького эпизода. Это история о мужестве и любви, которая будет доступна Эллен до конца ее дней.

В какой-то степени этот рассказ описывает мою работу в хосписе, где для меня оказывается очень полезным нарративный подход. В подобной работе я стараюсь подчеркнуть:

- продолжение жизни и отношений, а не исключительно окончательность смерти;
- важность того, как чрезвычайная ситуация смерти открывает возможности для того, чтобы рассказывать и проживать истории любви, которые, как я надеюсь, будут присутствовать еще долго после смерти человека;
- задавание вопросов, направленных на создание поддерживающих, ресурсных воспоминаний об этой ситуации для того, чтобы потом возвращаться к ним;
- использование вопросов для стимуляции творческого мышления, преодолевающего ограничения реальности (время и расстояние);
- совместный поиск ресурсов, которые люди могут привлечь, чтобы справиться с переменами, связанными со смертью;
- использование могущества и пластичности историй для того, чтобы выйти за пределы смертности человеческого тела;
- важность «восстановления участия» людей в жизни тех, кто остается жить;
- отказ от представлений о том, что необходимо определенным образом проститься с умирающим и «отпустить» его, чтобы «правильно» пережить эту критическую ситуацию.

Эти принципы составляют особый способ понимания смерти, горя и утраты. Я считаю, что это уважительный подход. Он требует от меня, чтобы я бережно присоединялась к людям в тяжелое для них время и вместе с ними конструировала истории о любви и надежде.

В тот вечер я ушла домой с чувством надежды, надежды на то, что эти краткие эпизоды со временем окажутся целительными для Эллен. В целом, я соприкоснулась с жизнью Билла и Эллен всего на четыре часа в течение одного дня. Позже я узнала, что Билл умер спустя два часа после того, как я ушла. Когда он «уплясал по дороге к Богу», ему было шестьдесят семь.

Посвящение

Эта статья посвящается памяти Фреда ден Брёдера. В тот же день, когда мне пришло извещение, что эта история принята в печать, Фред умер. Все время, пока он боролся с раком, он напоминал мне о мужестве, храбрости и упорстве, а также о том, как наши тела хрупки. Так что, дружище, давай напомним всем, что «всегда в запасе есть еще одно отличное «ура!»»

Литература:

Anderson, H. 1997: *Conversation, Language, and Possibilities*. New York: Basic Books.

Freedman, J. & Combs, G. 1996: *Narrative Therapy: The social construction of preferred reality*. New York: W. W. Norton.

Gergen, K. 1994: *Realities and Relationships*. Cambridge: Harvard University Press.

Gilligan, S. & Price, R. 1993: *Therapeutic Conversations*. New York: W. W. Norton.

Klass, Silverman, & Nickman 1996: *Continuing Bonds: New Understandings of Grief*. Philadelphia: Taylor & Francis.

Myerhoff, B. 1980: *Life Not Death In Venice*. In Turner, V. & Bruner, E. (eds) 1986: *The Anthropology of Experience*. Chicago: The University of Illinois Press.

Tomm, K. 1987a: 'Interventive interviewing: Part I. Strategizing as a fourth guideline for the therapist.' *Family Process*, 26:3-13.

Tomm, K. 1987b: 'Interventive interviewing: Part II. Reflexive questioning as a means to enable self-healing.' *Family Process*, 26(2):167-183.

Tomm, K. 1988: 'Interventive interviewing: Part III. Intending to ask lineal, circular, strategic or reflexive questions.' *Family Process*, 27(1):1-15.

Tomm, K. 1995: 'Co-constructing healing elements of mind.' *Narrative Ideas and Participants Conference*, Vancouver, British Columbia.

Quigley, C. 1996: *The Corpse: A History*. Jefferson, NC: McFarland & Company.

Vickio, C. 1999: 'Together in spirit: Keeping our relationships alive when loved one dies.' *Death Studies*, 23(2), March.

Wass, H. & Neimeyer, R. (eds) 1995: *Dying: Facing The Facts*. Washington, DC: Taylor & Francis.

White, M. 1989: 'Saying hullo again.' In *Selected Papers*. Adelaide: Dulwich Centre Publications.

White, M. 1995: *Re-Authoring Lives: Interviews & Essays*. Adelaide: Dulwich Centre Publications.

White, M. 1997: *Narratives of Therapists' Lives*. Adelaide: Dulwich Centre Publications.

Winslade, J. & Monk, G. 1999: *Narrative Counseling in Schools*. Thousand Oaks, CA: Corwin Press.